

УДК 340.114: 378.6: 351.74

DOI: 10.34670/AR.2026.34.30.001

Теоретические основания модели антропоцентричной правовой культуры студентов: на примере образовательных организаций, подведомственных правоохранительным органам**Зорина Елена Михайловна**

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190103, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44/а;
e-mail: zorinaem@bk.ru

Кириллова Татьяна Константиновна

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
190000, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Ленина, 67;
e-mail: tania.kirillova@gmail.com@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается антропоцентрическая модель формирования правовой культуры студентов силовых вузов «Триединство Закона, Совести и Отечества», разработанная в условиях цифровой трансформации и гибридных деструктивных воздействий. Анализируются теоретические основания модели, включая антропологический подход к праву, теорию процессуальной справедливости и концепцию рефлексивной практики, а также роль каждого из трёх компонентов — рационально-правового, нравственно-этического и культурно-патриотического — в становлении профессиональной устойчивости будущих офицеров. Подчеркивается значимость синтеза правовой нормы, внутреннего морального императива и служения Отечеству как основы противодействия коррупции, психологическим манипуляциям и цифровым угрозам (дипфейкам). На примере анализа литературных кейсов, цифровых симуляций верификации дипфейков и рефлексивных практик (дневник этических дилемм) демонстрируется, как обсуждение нравственно-правовых дилемм способствует интериоризации правовых знаний и превращению их в личностные убеждения. Представлены результаты теоретического обоснования модели, подтверждающие её потенциал в восполнении дефицита интегративных разработок в ведомственном образовании.

Для цитирования в научных исследованиях

Зорина Е.М., Кириллова Т.К. Теоретические основания модели антропоцентричной правовой культуры студентов: на примере образовательных организаций, подведомственных правоохранительным органам // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 13-25. DOI: 10.34670/AR.2026.34.30.001

Ключевые слова

Правовая культура, студенты силовых вузов, антропоцентрическая модель, триединство закона, совести и отечества, деструктивные влияния, профессиональная идентичность, профессиональная устойчивость, цифровые угрозы.

Введение

Современная социальная реальность характеризуется усложнением и гибридизацией угроз, с которыми столкнутся выпускники образовательных организаций высшего образования, подведомственных правоохранительным органам (далее – силовых вузов). Наряду с традиционными деструктивными факторами (коррупционные предложения, психологическое давление) формируется новый спектр вызовов, связанных с цифровой трансформацией: синтетические медиа (дипфейки), таргетированная дезинформация, этические дилеммы применения искусственного интеллекта. Как отмечают исследователи, киберугрозы, дипфейки становятся инструментом не только мошенничества, но и дискредитации сотрудников, подрыва доверия к правоохранительной системе в целом [Chesney R., Citron D.K., 2019]. Кризис доверия к правоохранительной системе и рост изощрённости манипулятивных воздействий актуализируют проблему поиска оснований профессиональной устойчивости будущих офицеров, не сводимых к формальному знанию правовых норм.

Цифровая трансформация образовательной среды и обострение информационно-психологических вызовов обнажают критическую уязвимость студента силового вуза на этапе профессионального становления. Исследования последних лет подчеркивают, что современные деструктивные влияния направлены не столько на искажение правовых знаний, сколько на трансформацию ценностно-смысловой сферы личности, что требует поиска новых педагогических стратегий. Традиционная модель подготовки, ориентированная преимущественно на усвоение правовых дисциплин (уголовное право, административное право, тактика), не обеспечивает формирования устойчивой правовой культуры как личностного качества.

Предметом настоящего исследования выступает правовая культура студента силового вуза как целостный антропоцентрический феномен, формирующийся в процессе профессиональной подготовки, в условиях цифровой трансформации образовательной среды и гибридных деструктивных воздействий. Особое внимание уделяется интерфейсу между формальными правовыми знаниями и неформальными ценностными установками, что соответствует современным исследованиям полицейской культуры как зоны напряжения между официальными нормами и неформальными кодексами поведения.

Гипотеза исследования заключается в том, что эффективное противодействие деструктивным влияниям требует выхода за рамки правового информирования в сферу формирования интегративной профессионально-личностной культуры, синтезирующей правовые, нравственные, патриотические и цифровые компоненты.

Цель исследования – разработать и теоретически обосновать интегративную антропо-педагогическую модель формирования правовой культуры студента силового вуза, ядром которой выступает триединство Закона, Совесть и Отечества, то есть синтеза правосознания, нравственной рефлексии и патриотической идентичности в условиях деструктивных влияний.

Методология включает: теоретический анализ верифицированных источников по правовой

культуре [Алексеев С.С., 1995], педагогике становления личности [Шиянов Е.Н. и др., 2007], цифровой социализации [Кузнецова Е.А., 2023, с.59–66]; сравнительно-исторический метод для анализа традиций воспитания в отечественных военных учебных заведениях [Гребенкин А.Н., 2017, с.349]; качественный анализ практик противодействия деструктивным влияниям в вузах МВД и военных академиях (2022–2024 гг.).

Методологическую основу исследования составили: антропологический подход к праву [Ильин, 1994; Честнов, Ломакина, 2025], теория процессуальной справедливости [Tyler, 2006], концепция рефлексивной практики [Schön, 1983], социология полицейской культуры [Bittner, 1980; Sklansky, 2008], а также педагогические принципы диалогичности, контекстного и ценностно-ориентированного обучения.

Существующий дискурс фрагментирован: юридическая педагогика фокусируется на методике преподавания правовых дисциплин [Синюков, 2009], социология образования изучает неформальные структуры студенческих коллективов [Зинченко, Митина, 2020, с.85–104], психология — механизмы подверженности манипуляциям [Доценко, 1997, с.344]. При этом работы, посвященные синтезу цифровой гигиены и профессиональной этики будущих сотрудников силовых структур, носят единичный характер [Субботин, 2025, с.203–212]. Отсутствует интегративная антропоцентрическая модель, позволяющая рассматривать студента не как объект обучения, а как субъекта становления, чья правовая культура формируется в постоянном диалоге с внешними вызовами и внутренними ценностными поисками.

В данной статье мы сосредоточимся на теоретическом обосновании модели, а педагогическая технология и диагностика станут предметом отдельной публикации.

Теоретические основания исследования: антропоцентрический поворот в понимании правовой культуры

В отечественной традиции правовая подготовка будущих сотрудников силовых структур долгое время развивалась в рамках нормативно-позитивистской парадигмы, где акцент делался на усвоении формальных правовых знаний [Титаренко, 2011, с.48–52]. Понятие правовой культуры при этом редуцировалось до уровня правовой подготовленности. Зарубежные исследования, в частности, теория процессуальной справедливости Т. Тайлера, фокусировались на восприятии легитимности полиции гражданами, оставляя в тени внутреннее содержание правовой культуры самого офицера [Tyler, 2006].

Смена исследовательской парадигмы происходит в работах В.П. Сальникова и А.П. Семитко, которые обосновывают понимание правовой культуры как многоуровневой системы, включающей не только знания, но и ценностные ориентации, установки, правосознание [Бачинин, Сальников, 2005; Семитко, 1990]. Применительно к подготовке будущих офицеров данный подход развит Беседой и Деккертом, определяющими правовую культуру полицейского как интегративное качество личности, обеспечивающее баланс между служебными задачами и правами человека [Беседа, 2019; Деккерт, 2023]. Однако, как показывает анализ литературы, исследования носят преимущественно констатирующий характер, а проблематика педагогической трансформации правовых знаний во внутренние убеждения студентов остаётся недостаточно разработанной.

Применительно к студенту силового вуза ключевым становится переход от пассивного потребления норм к их интериоризации – превращению внешних требований в личные убеждения. Для студента, находящегося на этапе профессионального самоопределения, этот

процесс критически зависит от воспитательной среды, личного примера преподавателей и кураторов, а также от способности к этической рефлексии.

Антропоцентрический поворот в исследованиях силовых структур связан с переходом от изучения институтов к анализу идентичности, габитуса и смыслов самих сотрудников. Классические работы Э. Биттнера и Д. Склэнски демонстрируют, что неформальные кодексы и ценности полицейского сообщества зачастую противоречат формальным предписаниям, что создаёт зону ценностного конфликта, к которой будущий офицер должен быть подготовлен ещё в вузе [Bittner, 1980; Sklansky, 2008].

В российской интеллектуальной традиции философско-антропологический подход к праву и государственной службе восходит к трудам И.А. Ильина и П.И. Новгородцева [Ильин, 1994; Новгородцев, 1996]. И.А. Ильин определяет правосознание не как знание норм, а как «волю к праву» и «способность уважать право и действовать по совести». Однако, как показывают А.С. Александров и И.А. Александрова, приложение этих категорий к повседневной практике современного правоохранителя остаётся фрагментарным; концепты «служения» и «чести» присутствуют в ведомственном дискурсе, но не операционализированы в педагогических технологиях, ориентированных на студенческую аудиторию [Александров, Александрова, 2021].

М.М. Бахтин подчеркивал диалогическую природу сознания: «Сознание рождается на границе с другим сознанием» [Бахтин, 1979]. Для студента силового вуза такими «границами диалога» выступают: преподаватель-наставник, куратор, литературный герой, историческая личность. Через диалог с ними формируется профессиональная идентичность, включающая правовую культуру как ее неотъемлемый компонент.

Исторически отечественные военные учебные заведения обладали развитой системой воспитания, где правовая культура формировалась не через изучение кодексов, а через усвоение кодекса чести, традиций служения и личного примера [Мухаяров, 2014]. Утрата этих традиций в постсоветский период и их недостаточная замена современными педагогическими технологиями создали вакуум, заполняемый деструктивными влияниями.

Проведем сравнительный анализ зарубежных подходов к подготовке кадров для правоохранных органов. Можно выявить несколько моделей, представляющих интерес для российской педагогической практики.

Американская модель традиционно опирается на концепцию процессуальной справедливости (procedural justice), разработанную Томом Тайлером. Согласно этой концепции, легитимность власти зависит не столько от результатов её деятельности, сколько от справедливости процедур, посредством которых эти результаты достигаются [Tyler, 2006]. В образовательном контексте это транслируется в обучение студентов принципам прозрачности, беспристрастности, уважения прав граждан и возможности быть услышанным. Однако американская модель имеет существенное ограничение: она фокусируется преимущественно на отношениях «полиция — общество», уделяя недостаточно внимания внутренней мотивации и ценностным основаниям профессионального поведения сотрудника.

Скандинавская модель (Швеция, Норвегия, Финляндия) характеризуется акцентом на этическом лидерстве и рефлексивной практике. Образовательные программы для будущих полицейских включают обязательные курсы по философии права, этике и психологии, а также практику регулярной рефлексии профессионального опыта под руководством опытных наставников [Skolnick, 2011; Löfstrand, 2019]. Ключевым принципом является понимание полицейского не как «носителя власти», а как «служителя общества» (public servant). Данная

модель близка к предложенной в настоящем исследовании концепции «триединства», однако не адаптирована к российскому культурно-историческому и духовно-нравственному контексту.

Британская модель развивается в русле концепции профессионального суждения (professional judgement). В отличие от американской практики, делающей акцент на строгом соблюдении процедурных норм, британский подход ориентирован на формирование у студентов способности самостоятельно проводить этический анализ сложных ситуаций и принимать обоснованные решения [Reiner, 2010]. Данный результат достигается за счёт активного применения кейс-метода, ролевых тренировок и имитационных сценариев, воссоздающих типичные профессиональные дилеммы. Особое значение придаётся разбору ошибок и неудач, которые рассматриваются как важнейший ресурс для профессионального роста.

Немецкая система подготовки базируется на идеалах правового государства (Rechtsstaat) и профессиональной чести (Berufsehre). Учебные программы для будущих полицейских включают фундаментальное изучение конституционного права, истории правовой мысли и философии, одновременно формируя у студентов осознание принадлежности к институту государственной службы, уходящему корнями в прусскую бюрократическую традицию [Manning, 2010]. Центральным концептом здесь выступает «внутренний закон» (inneres Gesetz) — моральный императив, призванный направлять действия сотрудника даже в условиях правового пробела или давления со стороны руководства.

Однако ни одна модель не отвечает всем вызовам современного общества, особенно манипуляциям и деструктивному влиянию.

Исследования деструктивных влияний ведутся в нескольких слабо связанных направлениях. Наиболее разработана экономико-правовая проблематика коррупции [Rose-Ackerman, Palifka, 2016; Лунеев, 2007]. Психология манипулятивного воздействия представлена фундаментальными работами Е.Л. Доценко и С.Г. Кара-Мурзы, однако их перенос на специфику профессиональных рисков будущих офицеров носит эпизодический характер [Доценко, 1997; Кара-Мурза, 2004].

Наименее изученной областью является влияние цифровых угроз (дипфейки, синтетические медиа) на правосознание и профессиональную идентичность студентов – будущих сотрудников. Криминалистические и криминологические аспекты киберпреступности активно исследуются [Крылов, 1997; Wall, 2007], однако целенаправленное воздействие цифровых фальсификаций на репутацию и психологическое состояние молодого специалиста не стало предметом системного педагогического осмысления в контексте вузовской подготовки. Существует методологический разрыв между исследованиями различных типов деструктивных влияний, что препятствует созданию интегративных моделей профессиональной устойчивости, формируемой ещё на этапе обучения.

Существует несколько типов современных деструктивных влияний:

- Цифровая радикализация. Социальные сети становятся площадкой для распространения манипулятивных нарративов, оправдывающих насилие, коррупцию или неподчинение закону под лозунгами «патриотизма» или «профессиональной солидарности».
- Психологическое манипулирование. Использование чувства стыда, страха перед отчислением, давления группового мнения для принуждения к противоправным действиям (сокрытие нарушений товарищей, фальсификация отчетов). Механизмы манипуляции детально описаны Е.Л. Доценко [Доценко, 1997, с.344], однако их специфика в закрытой среде силовых вузов изучена недостаточно.

Ядро модели: триединство Закона, Совести и Отечества в формировании правовой культуры студента

В ответ на выявленный дефицит интегративных разработок предлагается авторская антропоцентрическая модель правовой культуры, структурным ядром которой выступает взаимосвязь трёх компонентов: рационально-правового (Закон), нравственно-этического (Совесь) и культурно-патриотического (Отечество). Устойчивость к деструктивным влияниям у будущего офицера возникает не в каждом из компонентов по отдельности, а исключительно в зоне их пересечения, где правовая норма подкреплена нравственным императивом и осмыслена в контексте служения.

Модель адаптирована под специфику этапа профессионального становления студента. Ее ядро — три взаимосвязанных компонента, синтез которых формирует устойчивую правовую культуру.

Рассмотрим каждый компонент отдельно.

Закон (рационально-правовой компонент).

Закон рассматривается как объективная, формализованная система норм, устанавливающая публичные и обязательные рамки профессиональной деятельности. Данный компонент выполняет три ключевые функции: ограничительную (фиксация «красных линий» допустимого поведения), легитимирующую (наделение будущего специалиста правом на применение принуждения) и защитную (создание правового основания для противодействия неправомерным указаниям). Однако изолированная опора исключительно на нормативный компонент несёт существенные риски: формализма, при котором соблюдается буква закона при игнорировании его духа, и цинизма, когда право начинает восприниматься лишь как инструмент ситуативной манипуляции.

В образовательном процессе закон выступает не как статичный набор предписаний, а как объект осмысления и последующей интериоризации. Реализация данного подхода предполагает решение следующих задач:

- Понимание духа закона. Студент должен понимать, что правовые нормы закрепляют фундаментальные общественные ценности: человеческое достоинство, равенство и справедливость. В качестве примера может рассматриваться анализ принципа гуманизма (ст. 2 УК РФ) через исторические прецеденты, такие как решения судей в дореволюционной России, отстаивавших права обвиняемых вопреки политическому давлению, а также через обращение к русской художественной литературе (например, «Воскресение» Л. Н. Толстого).
- Развитие правовой рефлексии. Формирование умения критически оценивать пробелы, коллизии и системные противоречия в законодательстве без перехода к правовому цинизму.
- Интеграция права и профессиональной этики. Демонстрация системной взаимосвязи между нормативно-правовыми актами и ведомственными кодексами профессиональной этики (например, Кодексом этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел РФ), подчёркивающая, что этические стандарты дополняют и наполняют смыслом формальные нормы.

Совесь (нравственно-этический компонент).

Совесь представляет собой внутренний моральный императив, реализующийся в способности к нравственной самооценке и различению добра и зла. В отличие от внешнего

правового принуждения, она выполняет две взаимосвязанные функции: интерпретационную (направленную на осмысление духа, а не только буквы закона) и регулятивную (обеспечивающую внутренний самоконтроль в условиях правовой неопределённости или нормативных коллизий). Как подчёркивал И. А. Ильин, совесть выступает «нервом права», тем живым связующим звеном, которое преобразует абстрактную юридическую норму в осмысленную практику человеческой жизни [Ильин, 1994, с.149–414]. Ключевым механизмом активизации данного компонента выступает разрешение этических дилемм – ситуаций коллизии норм или нормативного вакуума, требующих от будущего офицера самостоятельного ценностного выбора, что особенно важно моделировать в образовательной среде. Большинство произведений русской классической литературы содержат моральную дилемму и культурный код, связанный с русской ментальностью и мировоззрением.

Совесть для студента — не абстрактная категория, а практический инструмент принятия решений в ситуациях неопределённости. Формирование совести осуществляется через этическую рефлексию (ведение дневника моральных дилемм: «Сегодня я столкнулся с ситуацией... Закон требовал... Моя совесть подсказывала... Я выбрал... Последствия...»), литературные кейсы (Анализ художественных произведений как «полигона» для этических экспериментов: Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» — дилемма «права на преступление» в контексте будущей профессии следователя), диалог с историческими примерами (изучение биографий офицеров, проявивших гражданское мужество).

В педагогической науке категория «совесть» долгое время оставалась на периферии, уступая место более «измеримым» конструктам (знания, умения, навыки, компетенции). Однако, как показывают современные исследования в области аксиологии образования, именно совесть является тем механизмом, который переводит внешние ценностные императивы во внутренние регуляторы поведения [Комаров, 2020, с.26–35].

Опираясь на идеи И.А. Ильина и их современную интерпретацию [Ковкель, 2018, с.24–33], можно выделить в структуре совести, формируемой у студентов силового вуза, три уровня:

- Когнитивный уровень (совесть знающая): знание этических норм, кодексов профессиональной этики, понимание того, какие действия считаются правильными, а какие – нет.
- Эмоционально-аффективный уровень (совесть чувствующая): способность переживать вину, стыд, гордость за свои поступки, эмоциональный отклик на нарушение норм (как своих, так и чужих).
- Волевой уровень (совесть действующая): готовность поступать по совести, даже вопреки внешнему давлению, групповому мнению или карьерным рискам. Именно этот уровень является конечной целью педагогического воздействия.

Отечество (культурно-патриотический компонент).

Компонент «Отечество» задаёт смысловой масштаб профессиональной деятельности. В данной модели он понимается не в этническом или политико-административном ключе, а как культурно-историческая общность – народ, страна с её ценностями и будущим. Функции компонента: смыслообразующая (ответ на вопрос «ради чего?») ответственность перед прошлым и будущим, соборность, пассионарность, формирование профессионального патриотизма – осознанного отношения к службе как ежедневному вкладу в благополучие страны и защиту прав граждан. Данный компонент дистанцируется от национализма; его суть – в служении народу через защиту права и достоинства каждого человека.

Для студента, выбирающего профессию служения, Отечество должно стать не абстрактным понятием, а конкретным образом:

- Локальная идентичность. Связь службы с защитой конкретных людей: жителей родного города, региона.
- Историческая преемственность. Осознание себя частью многовековой традиции служения: от земских старост до современных офицеров.

Компонент «Отечество» в нашей модели рассматривается через призму профессионального патриотизма. В отличие от патриотизма гражданского (любовь к стране вообще) или этнического, профессиональный патриотизм сотрудника силовых структур — это осознание социальной значимости своей профессии, понимание того, что каждодневное, качественное и честное выполнение служебных обязанностей есть вклад в безопасность и благополучие конкретных людей и страны в целом.

Патриотический компонент выполняет три ключевые функции:

- Мотивационную: трансформирует восприятие повседневных служебных обязанностей, смещая фокус с формального исполнения инструкций на осознанное служение обществу и государству;
- Защитную: формирует устойчивый иммунитет к коррупционным практикам, которые зачастую маскируются под «лояльность коллегам», «круговую поруку» или «практический прагматизм»;
- Интегративную: обеспечивает смысловую связь между личностью студента и историческим опытом страны, создавая устойчивое ощущение причастности к общественно значимому делу.

Устойчивость к деструктивным влияниям формируется исключительно в точке системного взаимодействия трёх компонентов. Правовая норма, осмысленная через призму совести и воспринятая как инструмент служения Отечеству, перестаёт выступать внешним принуждением и трансформируется во внутреннее убеждение. Совесть выполняет роль этического фильтра, предотвращающего формалистическое или корыстное толкование закона, тогда как патриотический контекст наделяет рутинные служебные действия высшим смыслом. Данный синтез существенно снижает риски профессионального выгорания и морального релятивизма уже на этапе первичного профессионального становления.

Обсуждение

Преимущества модели:

- Системная целостность: обеспечивает органичный синтез нормативно-правового, этического и практико-ориентированного компонентов непосредственно в рамках вузовской подготовки, преодолевая традиционный разрыв между теоретическим обучением и формированием профессиональных компетенций;
- Прикладная ориентированность: разрабатываемые студентами методические материалы (памятки, алгоритмы действий, ситуационные схемы) демонстрируют высокую операциональную готовность и оцениваются как инструменты, пригодные для непосредственного внедрения в служебную деятельность сразу после завершения обучения;
- Культурно-смысловая основа: обращение к классической художественной литературе не вызвало отторжения, напротив, выступило эффективным коммуникативным ресурсом, легитимизирующим в студенческой среде профессиональный дискурс о совести, чести и моральной ответственности.

Вызовы:

- Адаптационное сопротивление: отдельные группы студентов демонстрируют скептическое отношение к ценностно-ориентированным форматам, характеризуя их как излишне абстрактные и оторванные от реальных профессиональных условий;
- Междисциплинарные требования к кадровому обеспечению: успешная реализация модели предполагает высокую квалификацию преподавательского состава, способного интегрировать экспертные знания в области юриспруденции, педагогической психологии и культурологии в единый образовательный процесс;
- Методологические ограничения оценки долгосрочных результатов: применяемые качественные методики позволяют фиксировать позитивные сдвиги в ценностно-смысловой сфере обучающихся, однако не обеспечивают объективного подтверждения устойчивой трансляции приобретённых компетенций в реальную служебную практику в поствузовский период.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что эффективное противодействие деструктивным профессиональным влияниям в будущей служебной деятельности выпускников силовых вузов требует перехода от фрагментарного правового информирования к системному формированию целостной профессионально-личностной культуры непосредственно в период обучения. Деструктивные воздействия нацелены преимущественно не на когнитивный компонент, а на ценностно-смысловую сферу, предлагая альтернативные модели профессиональной идентичности, способные размывать этические границы. Предложенная модель «Триединства Закона, Совести и Отечества», методически адаптированная к этапу профессионального становления, устраняет выявленный разрыв между формальным усвоением юридических дисциплин и интериоризацией устойчивой правовой культуры как глубинного личностного качества.

Основной научный результат работы – разработка и теоретическое обоснование интегративной модели «Триединства Закона, Совести и Отечества», адаптированной для студенческой аудитории. Новизна модели заключается в операционализации философско-антропоцентрических категорий (совесть, служение) применительно к образовательному процессу силового вуза, а также в создании педагогической технологии, обеспечивающей трансформацию абстрактных ценностей в поведенческие алгоритмы и языковые паттерны будущих офицеров.

Правовая культура студента формируется не в аудитории при изучении норм закона, а в постоянном диалоге с педагогом, литературным героем, историческим примером и собственной совестью. Только такой синтез обеспечивает устойчивость к деструктивным влияниям студенческой среды и закладывает основу для будущей профессиональной неподкупности.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на решение трёх задач. Во-первых, разработка и валидизация диагностического инструментария для объективной оценки уровня сформированности правовой культуры у студентов силовых вузов. Во-вторых, организация лонгитюдного мониторинга для верификации долгосрочного влияния предложенной модели на служебное поведение выпускников. В-третьих, адаптация модели для смежных профессиональных групп (курсанты образовательных организаций ФСИН, МЧС, Росгвардии) с учётом специфики их ведомственных задач и корпоративной культуры.

Устойчивость будущей правоохранительной системы зависит от качества людей, формирующихся сегодня в стенах силовых вузов. Антропоцентрический подход к правовой культуре — это инвестиция в человеческий капитал национальной безопасности, где главным «оружием» против деструктивных влияний становится совесть, укорененная в законе и служении Отечеству.

Библиография

1. Александров А.С., Александрова И.А. Теоретическое и методологическое значение науки уголовного процесса для других наук антикриминального цикла // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 84–96.
2. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с.
3. Бахгин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2005. 224 с.
5. Беседа И.И. Особенности сущности правовой культуры сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 27–32.
6. Гребенкин А.Н. Официальные и неофициальные традиции российской военной школы (XVIII – начало XX в.). М.: Библио-Глобус, 2017. 349 с.
7. Деккерт Д.В. Правовая культура сотрудника полиции: сущность, особенности формирования и развития // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8. № 4. С. 50–54. DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-4-50-54.
8. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
9. Зинченко Ю.П., Митина О.В. Психология неформальных отношений в студенческих коллективах силовых вузов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2020. № 3. С. 85–104.
10. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149–414.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004. 526 с.
12. Ковкель Н.Ф. Антропология права: от философско-правовой рефлексии к практикам правовой социализации // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 24–33.
13. Комаров В.В. Совесть как фактор морально-нравственной надёжности личности // Гаудеамус. 2020. Т. 19. № 4 (46). С. 26–35.
14. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. М.: Инфра-М: Норма, 1997. 285 с.
15. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66.
16. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.
17. Мухаяров М.Р. Историко-педагогический анализ воспитания нравственных ценностей в русской армии XVIII – начала XX века // Наука. Общество. Оборона. 2014. № 1 (2). С. 11–17. DOI: 10.24411/2311-1763-2014-00010.
18. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
19. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
20. Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31–45.
21. Субботин А.Н. Формирование цифровой компетентности в системе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 203–212.
22. Титаренко Т.А. Формирование правовой культуры сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3. С. 48–52.
23. Честнов И.Л., Ломакина И.Б. Социокультурная антропология права как историко-правовая методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 44–49. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-44-49.
24. Шиянов Е.Н. [и др.] Развитие, социализация и воспитание личности: гуманистическая парадигма: монография. Ставрополь: СКСИ, 2007. 487 с.
25. Bittner E. The Functions of the Police in Modern Society. Cambridge (Mass.): Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1980. 161 p.
26. Chesney R., Citron D.K. Deep fakes: A looming challenge for privacy, democracy, and national security // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1753–1819.
27. Löfstrand C.H. Procedural Justice in Police Encounters: The Impact of Formality and Informality // Nordic Journal of

- Criminology. 2019. Vol. 20. № 1. P. 3–21. DOI: 10.1080/2578983X.2018.1547145.
28. Manning P.K. Democratic Policing in a Changing World. Boulder: Paradigm, 2010. 305 p.
29. Reiner R. The Politics of the Police. 4th ed. Oxford: Oxford University, 2010. 320 p.
30. Rose-Ackerman S., Palifka B.J. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University, 2016. 644 p.
31. Schön D.A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. N.Y.: Basic Books, 1983. 374 p.
32. Sklansky D.A. Democracy and the Police. Stanford: Stanford University, 2008. 269 p.
33. Skolnick J.H. Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society. 4th ed. N.Y.: Quid Pro Books, 2011. 288 p.
34. Tyler T.R. Why People Obey the Law. Princeton: Princeton University, 2006. 320 p.
35. Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity, 2007. 288 p.

Theoretical Foundations of the Model of Anthropocentric Legal Culture of Students: On the Example of Educational Organizations Subordinate to Law Enforcement Agencies

Elena M. Zorina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190103, 44/a, Lermontovskiy ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: zorinaem@bk.ru

Tat'yana K. Kirillova

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of Civil Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
190000, 67, Lenina str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

Abstract

The article examines the anthropocentric model for forming the legal culture of students of law enforcement universities, "The Trinity of Law, Conscience, and Fatherland", developed in the context of digital transformation and hybrid destructive influences. The theoretical foundations of the model are analyzed, including the anthropological approach to law, the theory of procedural justice, and the concept of reflective practice, as well as the role of each of the three components — rational-legal, moral-ethical, and cultural-patriotic — in the formation of professional resilience of future officers. The significance of the synthesis of the legal norm, the internal moral imperative, and service to the Fatherland as a basis for countering corruption, psychological manipulation, and digital threats (deepfakes) is emphasized. Using the example of analyzing literary cases, digital simulations of deepfake verification, and reflective practices (a diary of ethical dilemmas), it is demonstrated how the discussion of moral and legal dilemmas contributes to the internalization of legal knowledge and its transformation into personal convictions. The results of the theoretical substantiation of the model are presented, confirming its potential in filling the deficit of integrative developments in departmental education.

For citation

Zorina E.M., Kirillova T.K. (2026) Teoreticheskie osnovaniya modeli antropotsentrichnoy pravovoy kul'tury studentov: na primere obrazovatel'nykh organizatsiy, podvedomstvennykh pravookhranitel'nykh organam [Theoretical Foundations of the Model of Anthropocentric Legal Culture of Students: On the Example of Educational Organizations Subordinate to Law Enforcement Agencies]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 13-25. DOI: 10.34670/AR.2026.34.30.001

Keywords

Legal culture, students of law enforcement universities, anthropocentric model, trinity of law, conscience and fatherland, destructive influences, professional identity, professional resilience, digital threats.

References

1. Aleksandrov, A.S., & Aleksandrova, I.A. (2021). Teoreticheskoe i metodologicheskoe znachenie nauki ugolovnogo protsessa dlya drugikh nauk antykriminalnogo tsikla [Theoretical and methodological significance of criminal procedure science for other anti-criminal sciences]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 1(63), 84-96.
2. Alekseev, S.S. (1995). *Teoriya prava* [Theory of Law] (2nd ed.). Moscow: BEK.
3. Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
4. Bachinin, V.A., & Salnikov, V.P. (2005). *Pravovaya realnost v kontekste tsivilizatsii i kul'tury: metodologiya prichinnogo analiza* [Legal Reality in the Context of Civilization and Culture: Methodology of Causal Analysis]. St. Petersburg: Universitet Foundation.
5. Beseda, I.I. (2019). Osobennosti sushchnosti pravovoy kul'tury sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Peculiarities of the essence of legal culture of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Filosofiya prava*, 3(90), 27-32.
6. Bittner, E. (1980). *The Functions of the Police in Modern Society*. Cambridge (Mass.): Oelgeschlager, Gunn & Hain.
7. Chesney, R., & Citron, D.K. (2019). Deep fakes: A looming challenge for privacy, democracy, and national security. *California Law Review*, 107, 1753-1819.
8. Chestnov, I.L., & Lomakina, I.B. (2025). Sotsiokulturnaya antropologiya prava kak istoriko-pravovaya metodologiya [Sociocultural anthropology of law as a historical-legal methodology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2(106), 44-49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>
9. Dekkert, D.V. (2023). Pravovaya kultura sotrudnika politsii: sushchnost, osobennosti formirovaniya i razvitiya [Legal culture of a police officer: essence, peculiarities of formation and development]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 8(4), 50-54. <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2023-8-4-50-54>
10. Dotcenko, E.L. (1997). *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection]. Moscow: Chero: Moscow State University.
11. Grebenkin, A.N. (2017). *Ofitsialnye i neofitsialnye traditsii rossiyskoy voennoy shkoly (XVIII – nachalo XX v.)* [Official and Unofficial Traditions of the Russian Military School (18th – Early 20th Century)]. Moscow: Biblio-Globus.
12. Ilyin, I.A. (1994). O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. In I.A. Ilyin, *Sobranie sochineniy v 10 t. T. 4* (pp. 149-414). Moscow: Russkaya kniga.
13. Kara-Murza, S.G. (2004). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow: Algoritm.
14. Kovkel, N.F. (2018). Antropologiya prava: ot filosofsko-pravovoy refleksii k praktikam pravovoy sotsializatsii [Anthropology of law: from philosophical-legal reflection to practices of legal socialization]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 8(260), 24-33.
15. Komarov, V.V. (2020). Sovest kak faktor moralno-nravstvennoy nadezhnosti lichnosti [Conscience as a factor of moral reliability of personality]. *Gaudeamus*, 19(4), 26-35.
16. Krylov, V.V. (1997). *Informatsionnye kompyuternye prestupleniya* [Information Computer Crimes]. Moscow: Infra-M: Norma.
17. Kuznetsova, E.A. (2023). Tsifrovaya sotsializatsiya molodezhi [Digital socialization of youth]. *Sotsiologiya*, 3, 59-66.
18. Löfstrand, C.H. (2019). Procedural Justice in Police Encounters: The Impact of Formality and Informality. *Nordic Journal of Criminology*, 20(1), 3-21. <https://doi.org/10.1080/2578983X.2018.1547145>
19. Luneev, V.V. (2007). Korruptsiya v Rossii [Corruption in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*, 11, 20-27.
20. Manning, P.K. (2010). *Democratic Policing in a Changing World*. Boulder: Paradigm.
21. Mukhayarov, M.R. (2014). Istoriko-pedagogicheskiy analiz vospitaniya нравstvennykh tsennostey v russkoy armii

- XVIII – nachala XX veka [Historical and pedagogical analysis of the education of moral values in the Russian army of the 18th – early 20th centuries]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 1(2), 11-17. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2014-00010>
22. Novgorodtsev, P.I. (1996). *Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the Philosophy of Law. Crisis of Modern Legal Consciousness]. Moscow: Nauka.
23. Reiner, R. (2010). *The Politics of the Police* (4th ed.). Oxford: Oxford University.
24. Rose-Ackerman, S., & Palifka, B.J. (2016). *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University.
25. Schön, D.A. (1983). *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. N.Y.: Basic Books.
26. Semitko, A.P. (1990). *Pravovaya kultura sotsialisticheskogo obshchestva: sushchnost, protivorechiya, progress* [Legal Culture of Socialist Society: Essence, Contradictions, Progress]. Sverdlovsk: Ural University Press.
27. Shiyanov, E.N. [et al.]. (2007). *Razvitie, sotsializatsiya i vospitanie lichnosti: gumanisticheskaya paradigma* [Development, Socialization and Education of Personality: Humanistic Paradigm]. Stavropol: SKSI.
28. Sinyukov, V.N. (2009). Yuridicheskoe obrazovanie v kontekste rossiyskoy pravovoy kultury [Legal education in the context of Russian legal culture]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 7, 31-45.
29. Sklansky, D.A. (2008). *Democracy and the Police*. Stanford: Stanford University.
30. Skolnick, J.H. (2011). *Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society* (4th ed.). N.Y.: Quid Pro Books.
31. Subbotin, A.N. (2025). Formirovanie tsifrovoy kompetentnosti v sisteme professionalnogo obrazovaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Formation of digital competence in the system of professional education of employees of internal affairs bodies]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 4(110), 203-212.
32. Titarenko, T.A. (2011). Formirovanie pravovoy kultury sotrudnikov OVD [Formation of legal culture of employees of internal affairs bodies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, 3, 48-52.
33. Tyler, T.R. (2006). *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University.
34. Wall, D.S. (2007). *Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age*. Cambridge: Polity.
35. Zinchenko, Yu.P., & Mitina, O.V. (2020). Psikhologiya neformalnykh otnosheniy v studencheskikh kolektivakh silovykh vuzov [Psychology of informal relations in student collectives of law enforcement universities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 3, 85-104.